

филологической критики, шаг за шагом сравнивает все варианты и отрывки «Задонщины», определяет их преемственную связь и стремится с наибольшей точностью восстановить первоначальный текст «Слова» Софония Рязанца, включая его акцентуацию, которая нас приближает — в пределах двух с небольшим веков — к ударениям «Слова о полку Игореве». В связи с этим сравнительным исследованием и с пристальным разбором вступления к «Задонщине» в новом свете встают вопросы зависимости повести о победе на Непрядве от «Слова» о поражении на Каяле. Во-вторых, намечен к изданию подробный разбор лексики «Слова» с богатым сравнительным словарным материалом из «Задонщины» и прочих старорусских памятников. Любопытно, что в «Задонщине» нет архаичных словарных элементов, которых бы не было в «Слове», тогда как в «Слове» немало лексических архаизмов, которые отсутствуют в «Задонщине».

С критической работой над текстом «Слова» связаны и разыскания о подготовке издания 1800 г., в частности наблюдения над филиацией сделанных с мусин-пушкинской рукописи переводов и цитат из них (XXX), а также разбор ускользнувшей от исследователей черновой версии первого издания (XX): этот черновой вариант, приобретенный библиотекой Гарвардского университета, был подробно сличен со стандартными экземплярами первого издания, ныне принадлежащими тому же университету и библиотеке Конгресса, а также сопоставлен с промежуточной версией, описанной Н. Н. Зарубиным.¹⁴

Всесторонний анализ поэтики «Слова» — такова очередная задача, выдвинутая гарвардскими славистами. Пока только первые опыты в этом направлении увидели свет. Так, звуковые повторы в нашем памятнике еще ждут систематического обследования, но уже сделаны ценные указания на сходную аллитерационную технику «Слова о полку Игореве» и эпических фрагментов в «Повести временных лет» (XIд). Следует, однако, отметить, что древнерусское ударение падало на слог высокого (восходящего) тона, а при отсутствии высокотонного слога — на начальный слог слова: поскольку же склонность к начальному ударению благоприятствует развитию аллитерации, нет надобности прибегать к германскому влиянию, чтобы объяснить древнерусскую аллитерацию.

По изощренной сложности семантика и композиция «Слова» могут поспорить с его звукописью и ритмикой. Конспект трактата Георгия Херобоска о тропах и фигурах, переведенный с греческого на церковно-славянский язык, попал в XI в. из Болгарии в Киев и вошел в древнерусский литературный обиход. При всей новизне поэтических веяний на склоне XII в. все же традиционная византийско-славянская литературная учеба, видимо, дает наилучший ключ для понимания многообразной и многоплановой символики «Слова». Например, его характерные инверсии во временной последовательности событий, нередко смущавшие комментаторов, точно соответствуют учению Херобоска о фигуре «последословия». Попытка расследовать образы «Слова» в свете этой традиции (XXXV) — одна из немногих осуществленных глав будущей истории древнерусского словесного мастерства.

Под конец «на преднее возвратимся»: мы остались верны завету покойного А. С. Орлова. И невольно вспоминается заключительный кадр из старого фильма «Турксиб». С двух сторон прорубившись сквозь толщу горных пород, работники встречаются и протягивают друг другу руку.

¹⁴ Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, стр. 523—527.